

Кривых Елена Георгиевна

Krivykh Elena Georgievna

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Национального исследовательского Московского
государственного строительного университета

PhD, Associate Professor,
History and Philosophy Department,
Moscow State National Research University of
Civil Engineering

ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА МЕГАПОЛИСА: ФИЛОСОФСКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DYNAMICS OF MEGALOPOLIS SOCIAL SPACE: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Аннотация:

Определение методологии исследования общественного пространства мегалополиса актуально в связи со значимостью этого феномена. Общественное пространство является сферой межличностных коммуникаций, порождающих значимые социальные высказывания. Акторно-сетевой подход и концепт «пространства потоков» позволяют представить общественное пространство в аспекте изменения целей и характера социальных практик, его продуцирующих. Представлены и обоснованы позиции, утверждающие, что происходят «социальное угасание» публичной сферы, отстранение горожан от публичной жизни. Проанализированы некоторые виды социальных практик, которые показывают тенденцию к усилению гедонистической ориентации социального поведения, индивидуализации поведения личности. Вместе с тем на основе новых градостроительных и архитектурных решений в постиндустриальном городе формируются общественные пространства нового типа, обуславливающие и развивающие единство познавательных и гедонистических практик, способствующих формированию новых сообществ. Эти типы пространств конструируются и в медийном пространстве, обладая свойствами открытости, процессуальности, многомерности.

Ключевые слова:

общественное пространство, коммуникация, социальные практики, акторно-сетевой подход, пространство потоков, социальное взаимодействие, децентрализация человеческих взаимодействий, многомерность пространства, мегалополис.

Summary:

The issue is based on the fact of an efficient methodological approach to the research on megalopolis social space. Public space is the area of interpersonal communication generating significant social statements. The actor-network theory and the concept of space of flows present this phenomenon in the aspect of changing the goals and the nature of social practices that produce it. The approvals of social extinction of the public sphere and removal of citizens from public life are considered. Several types of social practices are analyzed to show a tendency to strengthen the hedonistic orientation of social behavior and a deviation from general goals in the behavior of the individuals. At the same time, on the basis of new town-planning and architectural decisions in the post-industrial city, public spaces of a new type are formed. The latter determine and develop the unity of cognitive and hedonistic practices to promote the creation of new communities. These types of spaces are also constructed in the media space possessing the properties of openness, procedurality, and multidimensionality.

Keywords:

public space, communication, social practices, actor-network theory, space of flows, social interaction, decentralization of human interactions, multidimensionality of space, megalopolis.

Город является фронтиром современной цивилизации, развертывания социальных процессов. Технологический инструментарий, с помощью которого происходит апробация новых форм социальной организации, предоставляет урбанистика. Специалисты отмечают три ветви развития урбанистики: формалистическую (композиционную), инфраструктурную (технологическую) и социальное планирование (вовлеченность граждан в жизнь города) [1]. Общественное пространство как предмет исследования с точки зрения производства социальных смыслов взаимодействия относится к социальной ветви. Основные концепты исследования в этой сфере урбанистики связаны со сферой социально-гуманитарного и философского знания: понятия социальности, социального пространства, социальных практик, коммуникации, культурного кода и т. д.

Ввиду особенностей предмета урбанистики как неклассической технической дисциплины ее методология носит комплексный характер. На основе системного подхода применяются методы социально-философского анализа, феноменологический, социологический, методологические приемы и понятия теории коммуникации.

Проблема общественного пространства – одна из самых обсуждаемых в современной урбанистике. В этих узловых точках городского пространства проявляются особенности и тенденции формирования новых видов социальной активности, взаимодействия социальных индивидов

и групп. Понятие социальных практик анализируется как «совокупность конкретных повторяющихся опривыченных... действий индивидов, групп, общностей... в реальном времени и пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование социальных институтов» [2, с. 278]. Принципиальной методологической установкой является то, что современный город, в данном случае мегаполис, рассматривается в постклассическом контексте, что означает понимание его как открытой саморазвивающейся системы, гетерогенного объекта междисциплинарного исследования. Установки статичной целостности, четкого и жесткого структурно-функционального планирования рассматриваются как принципы предшествующего этапа теоретизирования города.

Общественное пространство современного мегаполиса рассматривается в аспекте создания и развития в этом поле возможностей коммуникации, осуществления социального взаимодействия множества людей. Коммуникативный аспект не раскрывает всего объема понятия «общественное пространство», в которое включены также и смыслы выделения публичной сферы политического взаимодействия, создания условий для свободного политического диалога, что не входит в содержание данной статьи.

Категория социального пространства прежде всего предмет философской рефлексии. Социолог В.С. Вахштайн, анализируя акторно-сетевой подход (Б. Латур, Дж. Ло) к рассмотрению специфики городского пространства, обращается к теоретическим воззрениям Г. Лейбница на сущность пространства и времени [3]. Отрицая субстанциальную концепцию пространства и времени, базирующуюся на механике И. Ньютона, Лейбниц утверждал, что «пространство есть порядок, в котором дух постигает отношения», пространство является порядком сосуществования различных объектов. Отвлекаясь от вопроса об онтологическом статусе категории пространства, отметим, что применительно к специфике городского пространства и его частного случая – пространства общественного, эта трактовка обладает объяснительным потенциалом и созвучна классическому определению М. Вебера: «социальное» – такое «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4, с. 602].

Акторно-сетевой подход в определенных смыслах выступает развитием этих позиций, поскольку, описывая город как сетевой объект, мы включаем в него и материальные, физические объекты, и людей (актанты), объединенных в сообщества, и метафоры (идеи), т. е. духовные конструкции. Все это в совокупности образует пространство отношений, представляя сложную топологическую многомерность города как объекта исследования. Акторно-сетевой подход проявляет себя как методология, которая наиболее сильна в изучении ситуаций с высоким уровнем неопределенности, предлагает гибкий методологический аппарат, не сводимый к жестким и однозначным понятиям.

В социально-гуманитарном знании присутствует и другое толкование сетевого принципа, предложенное М. Кастельсом. Идея меняющихся форм социальности, динамика которых обусловлена движением от пространства мест к пространству потоков, определяемому сетевой коммуникацией, трансформирует градостроительные формы создания урбанистической среды. Но главное – новая урбанизованная среда предстает как глобальная горизонтальная коммуникация, отличающаяся гибкостью, адаптивностью, представляющая широкие возможности индивидуального самовыражения [5, с. 153]. Пространство потоков, в представлении М. Кастельса, является коммуникацией нового типа, основанной на принципиально иной социальной инфраструктуре, обуславливающей новое понимание эффективности взаимодействия и социального отбора. Делокализация человеческих взаимодействий в значительной степени снимает традиционное разделение публичного и частного. Погружение в частное камерное общение с помощью различных гаджетов в общественном пространстве «разрывает» его цельность и всеобщность. Но социологи констатируют появление новых форм социальной коммуникации в виртуальном пространстве, которые невозможны только в частной сфере, и таким образом приводят к восстановлению его целостности. Эти формы развертывания пространства представляют его как многомерный объект.

Акторно-сетевой подход позволяет рассмотреть внутренние и внешние факторы формирования коммуникативного пространства, исходя из широкого спектра разнородных отношений и их взаимовлияния. Образ «пространства потоков» в качестве определяющего фактора становления новых форм социальности полагает развитие информационных технологий, прогнозируя возникновение сетевого общества, в котором коммуникация оказывает решающее воздействие на характер восприятия мира, жизненную позицию и т. д. Эти позиции, определяемые исходно как методологические установки, в исследовании трансформации общественного пространства обретают значимость теоретических принципов в силу неопределенности, неоднозначности процессов. Методология выполняет и содержательную роль, выступая в качестве теоретического обоснования.

Одна из определенных тенденций может быть обозначена как «утрата общественных пространств». Р. Сеннет, известный современный социолог, констатирует факт «социального угасания» публичной сферы, мотивируя это тем, что «публичное пространство становится функцией

движения, поскольку оно теряет всякое независимое, основанное на опыте собственное значение» [6, с. 23]. Публичное пространство потеряло свойство открытого человеческого общения, публичная жизнь начинает восприниматься как безличность и зло.

Немецкий философ П. Слотердаик также исследует тенденцию «отстранения» человека от публичной жизни. Он полагает, что в современном обществе информационное напряжение коммуникации продуцирует «принудительную социальность». Необходимо, в том числе и посредством архитектурных и градостроительных решений, обеспечить защиту человека, формируя культурный иммунитет личности от интенсивности социальной жизни [7, с. 584].

В этих концепциях представлен теоретический уровень рассмотрения проблемы, включающий историческую и культурологическую рефлексию. Понятие публичности трактуется в его предельно широком значении.

В динамике общественного пространства в современном обществе произошли изменения, сущность которых обусловлена специфическими социальными явлениями, проявившимися в ткани социальной жизни в последние десятилетия, в первую очередь – технологическими изменениями.

Обратимся к критериям выделения этого особого типа пространства, которые представлены в литературе. Так, публичное пространство характеризуется общественным управлением, свободным доступом для всех и тем, что в его рамках множество людей устремлены к общественным целям [8]. Наиболее очевидные изменения связаны с возможностью создания виртуальных пространств социального взаимодействия с помощью информационных технологий, продуцирования ощущения принадлежности к некоей более общей группе, объединенной сходными интересами, с которой человеку не обязательно общаться в реальности.

Подобные практики реализуются во многих знаковых местах Москвы, ставших точками притяжения для горожан, прежде всего молодежи. В Москве подобными местами стали деловой центр «Москва Сити» и смотровая площадка на противоположном берегу Москва-реки. Собирающуюся здесь молодежь привлекает эстетическая новизна разновысотной конфигурации небоскребов, средства светового оформления зданий: динамическое освещение и анимация создают необыкновенные эффекты присутствия. В целом вышеназванные критерии выделения общественных пространств работают в данной ситуации с очевидной поправкой на то, что общественные цели в этом случае выражаются в совместных гедонистических практиках, что в принципе характерно для общества потребления. Но подчеркнем, что социальное взаимодействие в этой конкретной ситуации обусловлено позитивным восприятием нового социального пространства, которое выступает как символ динамичного будущего. Рождается общность социально-психологического переживания.

Социологи обеспокоены тем, что общественное пространство в условиях мегаполиса, по сути, становится псевдопубличным, не способствует развитию межличностной и межкультурной коммуникации. В качестве типичных примеров указывают потребительские пространства – ТРЦ (торгово-развлекательные центры). Исследователь О. Паченков пишет: «...современные пространства потребления скорее “общие”, нежели общественные, поскольку не создают взаимодействия, игры, общения» [9].

Между тем западные социологи, которые намного раньше обратились к анализу повседневных культурных практик в пространстве мегаполисов, уделяют внимание возникновению новых социальных смыслов поведения посетителей «храмов потребления» [10]. Посетители (прежде всего молодые люди) выбирают альтернативные по отношению к заданной модели потребления стратегии поведения. Молодежь обладает низкой покупательской способностью, поэтому она использует данный вид времяпрепровождения как своего рода досуг, наполненный «производством собственных значений», освобожденных от практицизма, обыденности, обязательности потребления. ТРЦ представляют собой сконструированные по эстетическим критериям пространства, в которых можно реализовать достаточно широкие возможности выбора индивидом культурных значений. В климатических условиях России это важный ресурс конструирования общественных пространств, задающий определенные параметры социального взаимодействия.

На протяжении десятилетий реализуется тенденция создания общественных пространств нового типа, которые не обусловлены локализацией и привязанностью к определенному географическому месту. Важнейшими характеристиками нового типа общественных пространств являются их разнородность, процессуальность, открытость. В Москве созданы новые площадки социального взаимодействия, нацеленные прежде всего на так называемый креативный класс. Бывшие фабрично-заводские площадки (территории индустриального города или города модерн) преобразованы в творческие кластеры: «Красный Октябрь» с образовательным центром «Стрелка», центр современного искусства «Винзавод», дизайн-завод «Флакон», Artplay и др. Они сочетают в себе индустриальную эстетику и духовный настрой «хипстерского урбанизма», привлекая определенные сообщества, ориентированные на логику творческой самореализации. Сочетание исторической пространственной структуры и разнообразной культурной деятельности

способствует формированию нового типа общественного пространства. Эти процессы имеют интернациональный характер [11], получая развитие в медийном пространстве, реализуясь в современных коммуникативных практиках: перформансы, хэппенинги, флешмобы и т. д. Важно отметить, что сообщество, ориентированное на взаимодействие в этом коммуникативном поле, принимает гедонистические и познавательные ценности в их единстве.

Меняется иерархия общественных пространств. Обширные представительские пространства, предназначенные для символических народных действий, по-прежнему значимы в функционировании мегаполиса, традиционно оставаясь центральными площадками социального взаимодействия. Но актуализируются пространства, которые предоставляют возможности, соответствующие логике индивидуальной социальности, подпитывающей культурный иммунитет личности.

В современных исследованиях отмечается, что теоретическое осмысление проблем урбанистики пока значительно отстает от прикладных разработок. Философская методология, анализируя масштабную целостность и системность объекта исследования, призвана внести свой значительный вклад в теоретизирование города.

Ссылки:

1. Замятин П.В., Тарасов Е.Н. Урбанистика как политический и концептуально-идеологический механизм регулирования городского планирования и благоустройства [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1, ч. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19111> (дата обращения: 26.11.2017).
2. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/2/Shugalskiy_Social-Practices/45_2012_2.pdf (дата обращения: 26.11.2017).
3. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 2000. 808 с.
5. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе, обществе. Екатеринбург, 2004. 328 с.
6. Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002. 424 с.
7. Слотердайк П. Сферы. Макросферология : в 3 т. М., 2010. Т. 1. Пузыри. 652 с.
8. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2638> (дата обращения: 26.11.2017).
9. Там же.
10. Fornäs J. Media Passages in Urban Spaces of Consumption [Электронный ресурс] // Geographies of Communication. The Spatial Turn in Media Studies / eds.: A. Jansson, J. Falkheimer. Göteborg, 2006. P. 205–214. URL: http://www.nordicom.gu.se/sites/default/files/publikationer-hela-pdf/geographies_of_communication.pdf (дата обращения: 26.11.2017).
11. См.: Hee Sun Choi. New Forms of Place-Making and Public Space in Contemporary Urban Development in Seoul, South Korea // Current Urban Studies. 2017. Vol. 5, no. 3. <https://doi.org/10.4236/cus.2017.53018>.